

ЭТОТ третий (сдвоенный) выпуск обновленного журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» довольно заметно отличается от предыдущих. №1 и №2 за 2012 год были посвящены общим вопросам, поставленным на высоком уровне абстракции — вопросам, в которых смыкаются исследования религии и теоретические концепции современного общественного развития, а именно: месту религии в рамках теории «множественных современностей» (№1) и проблематике секулярности и постсекулярности в ее разнообразных концептуальных и эмпирических проявлениях (№2).

В этом выпуске, который Вы держите в руках (или видите на Вашем экране), фокус внимания смещается из области преимущественно социологических теорий в область скрупулезного исторического анализа религиозной повседневности. Весь выпуск состоит из строго документированных *case studies*, интерпретируемых либо в классической оптике исторического исследования, либо в духе исторической антропологии (либо сочетая оба дисциплинарных подхода). Весь этот выпуск посвящен обыденной религиозности советского времени, вмещающей в себя длинный репертуар религиозных практик, прочно вплетенных, при всех своей идеологической отверженности, в ткань советского общественного бытия.

И все-таки, на наш взгляд, этот номер журнала не порывает с нашей прежней проблематикой — не только потому, что все религиоведческие темы, так или иначе, взаимосвязаны, но еще и потому, что осмысление судеб религии в СССР, безусловно, восходит и к вопросу о сути той специфической формы *modernity*, которой был (пытался быть) Советский Союз, и к вопросу о том, в какой мере просвещенческий секулярный проект, осуществляемый в СССР, был частью западной (и отчасти всемирной) секулярной парадигмы. Сдвиги в исследовательских эпистемах (прежде всего, кризис теории секуляризации), как и в самой исследовательской технике (диверсификация источников, вни-

вание к «невидимой» религии и квазирелигиозным «гражданским» конструкциям) — эти сдвиги, которые происходили в области исследований *modernity* и *secularity* в целом, в полной мере проявляются и в смене подходов к советской истории вообще и к религиозности советского времени, в частности. Советский период остается богатейшим источником размышлений о современных превращениях религии и секулярности, об их неуловимой, причудливой взаимосвязи. Нашей неявной сверхзадачей была именно попытка мыслить всю совокупность представленных здесь материалов, ценных самих по себе, в только что очерченных общетеоретических рамках.

Этот выпуск сложился из материалов конференции, проведенной в Москве в феврале 2012 года в РГГУ под названием «Религиозные практики в СССР: выживание и сопротивление в условиях насильственной секуляризации». Конференция была организована Центром изучения религий РГГУ и Центром истории религии и церкви Института всеобщей истории РАН при участии других научных центров. Она собрала около 80 участников (первоначальных заявок было гораздо больше), охватив весь советский период, почти все основные религиозные традиции (хотя православие естественным образом преобладало) и основные регионы советской империи¹.

Чуть больше двадцати статей, включенных в этот журнал, хотя и не отражают в полной мере всей мозаики московской конференции, относятся, пожалуй, к числу лучших и наиболее репрезентативных. Каждая из них — это самостоятельное исследование, которое не только схватывает конкретную эмпирическую реальность, но прямо или косвенно ставит важные общие вопросы советской истории и научной методологии. В этом выпуске мы разделили статьи по хронологическому принципу, поделив советскую историю на довоенный и послевоенный периоды (конечно, отдавая себе отчет в том, что периодизация советской религиозной *политики* более сложна и дробна). Кроме этих двух больших «хронологических» разделов, мы выделили три тематических: один, отражающий длительную эволюцию некоторых ключевых практик (исповеди, причащения в православии, а также еврейской сакральной книжности); второй, посвященный ключевому противостоянию религии и научного атеизма как систем миро-

1. См. обзор и попытку анализа итогов конференции в очерке А. Агаджаняна №1, 2012 нашего журнала.

воззрения и практик; и третий, более непосредственно касающийся насущных вопросов методологии. Читатель также найдет в конце тома несколько рецензий, так или иначе относящихся к главной теме.

Главная особенность и конференции, и этого выпуска — в определенном ракурсе, в смещении акцента в исследованиях религии в СССР: с церковно-государственных отношений, описания репрессий и реакций, колебаний в религиозной политике и хроники сопротивления — к анализу ежедневных практик мирян. Эти практики, в свою очередь, имеют много вариаций — от участия в официально терпимом «культе» в разрешенных рамках и в разрешенных религиозных институтах-гетто до «живой религии» («переживаемой религии» — *lived religion, religion vécue*), которая состоит в сумме повседневных импровизаций на тему доктринальных, этических, обрядовых и поведенческих норм, деформирующихся под давлением безжалостного секулярного (псевдо-секулярного?) Левиафана. Эта тематика каждодневных практик сравнительно нова, и мы не без оснований можем отнести нынешнюю публикацию к категории «новаторских»; по крайней мере, это один из первых случаев, когда под одной обложкой, книжной или журнальной, публикуются статьи, посвященные очерченным сюжетам.

Многие из статей в буквальном смысле открывают новые направления исторического религиоведения. Таковы, например, исследования практик исповеди и причащения (Н. Киценко и А. Беглова). Таковы статья Г. Фриза о невероятных результатах большевистского наступления на религию, приведшего к религиозному *подъему* на Украине, и статья А. Бермана о примере широко распространенного религиозного самозванчества, сочетавшего сопротивление советскому режиму и обостренное мессианство; работы о «невидимой религии» в образцовом атеистическом городе 1930-х и в «закрытом» (и потому тоже образцовом) позднесоветском городе (Н. Макаровой и С. Жука). Санами Такахаси иллюстрирует двуслойность советской религиозной жизни в последние десятилетия СССР — религиозность скрытую и религиозность фасадную; на самом деле — *полускрытую* и *полуфасадную*, и этот непростой дуализм просматривается во всех статьях. О том, как причудливо взаимодействуют советский *habitus* и глубокие религиозные инстинкты, пишет У. Хун на примере этнографии послевоенных паломничеств; а несколько статей, как уже было сказано, прямо посвящены диалектике противостояния религии

и атеизма как на уровне высоких дискурсов, так и, прежде всего, в контрапунктах жизненных циклов простых людей. Три статьи последнего раздела ставят некоторые концептуальные и методологические вопросы, имеющие отношение ко всему представленному здесь исследовательскому направлению — проблеме согласования разных типов источников и вопросу о сути самого объекта — «живой религии» и религиозных практик.

Авторы нынешнего номера — ученые из семи стран, принадлежащие к разным дисциплинам и использующие разные источники. Мы знаем, что есть большое количество историков и антропологов, ведущих потрясающие исследования, которые, по тем или иным причинам, не оказались на страницах этого тома (впрочем, он и не мог бы вместить всех достойных). Мы, несомненно, будем иметь это в виду при планировании будущих публикаций. И все же нам кажется, что те работы, которые Вы прочтете на этих страницах, адекватно отражают нынешний этап понимания советской религиозности, а заодно и вписываются в некоторые магистральные, постоянные темы нашего журнала.